

Небо потемнело. Шэнь Жань не стал зажигать фитиль, и холодный лунный свет, пробиваясь сквозь окно, отбрасывал в комнате тусклый ореол.

Шэнь Жань встал, расстелил единственные два одеяла, имевшиеся в доме, и укрыл ими ребенка на кровати, закутав так, что тот даже вспотел. Стоит сказать, что второй сын семьи Шэнь простудился от испуга, слёг с лихорадкой и потерял сознание лишь из-за своей болезненности. Но Шэнь Жань напоил его отваром и влил немного Истинной Ци, так что к утру, пропотев, мальчик должен был прийти в себя.

— Где это я? Кто ты такой? — едва открыв глаза, ребенок растерянно огляделся, а заметив Шэнь Жаня, настороженно сжался и отодвинулся вглубь кровати.

Шэнь Жань прищурился и с улыбкой ответил:

— А ты сам-то кто?

Услышав ответ, который совсем не походил на клише из романов о попаданцах, ребенок моргнул, прикусил нижнюю губу и произнес:

— Меня зовут Сюй Цзычэнь.

— О? Похоже, ты тоже занял чужое тело? — Шэнь Жань сел на край стола и налил себе воды.

Сюй Цзычэнь округлил глаза, но тут же выдохнул с облегчением. Он попытался опереться на руки и сесть, но, обнаружив, что его конечности стали короткими и черными от грязи, не сдержался и выругался.

— Воды хочешь? — Шэнь Жань приподнял чашку, глядя на Сюй Цзычэня с полуулыбкой.

— Да. Но что здесь происходит? — Сюй Цзычэнь с трудом сполз с кровати и, взяв чашку из рук Шэнь Жаня, отпил воды.

— До перемещения я сидел в машине и говорил по телефону, давал указания секретарю по поводу совещания, — Шэнь Жань выдумал себе легенду успешного человека из современного мира. Это был первый шаг, чтобы завоевать доверие Сюй Цзычэня.

Шэнь Жань понимал: если он будет выдавать себя за человека начала республиканской эпохи, он никогда не добьется полного доверия. Ведь главный секрет Сюй Цзычэня — это именно попадание в другой мир, и именно благодаря этому он мог без зазрения совести воровать чужие идеи, не опасаясь обвинений.

У всех попаданцев есть общая черта — самонадеянность. Зная, как будет развиваться история, они верят в свою исключительность и смотрят на окружающих их «древних людей» свысока. Хотя сам Сюй Цзычэнь этого не осознавал, в глубине души он презирал мнение этих людей, и

эмоциональная пропасть между ними была неизбежна. Эту дистанцию, пролегающую через время и пространство, невозможно преодолеть.

Поэтому Шэнь Жань с самого начала решил предстать перед ним «современником».

— Я ведь просто спал в общежитии, это так странно. К тому же я попал в тело этого черного заморыша, — Сюй Цзычэнь, выслушав Шэнь Жаня, заметно расслабился, но его лицо сморщилось, когда он потянул за край своей залатанной льняной рубахи.

— Я очнулся на два дня раньше тебя. Я Шэнь Жань, а ты теперь мой младший брат. Раз ты пришел в себя, мне пора в путь, — сказал Шэнь Жань, поправляя неудобный халат. Если бы не необходимость играть роль, он ни за что не надел бы эту грубую, царапающую кожу одежду.

— В путь? — Сюй Цзычэнь оглядел комнату, явно осознав, в какой нищете они оказались. Услышав слова Шэнь Жаня, он поспешно ухватился за его рукав, боясь, что тот оставит его здесь одного.

— Думаешь, здесь хорошо? Кстати, сейчас начало республиканской эры, я собираюсь в Бэйпин.

— В Бэйпин?! В Пекин? Я еду с тобой!

— Поехать-то можно, но... — Шэнь Жань приподнял бровь, растягивая слова.

— Но что? — Сюй Цзычэнь занервничал. С его нынешним тельцем он выглядел как обуза.

— Деловой человек ценит выгоду, а беря тебя с собой, я рискую, — Шэнь Жань не спешил, слегка потирая родинку под глазом.

— Я сделаю всё, что скажешь, лишь бы это не было чем-то преступным или смертельно опасным! — Сюй Цзычэнь так разволновался, что вцепился в рукав еще крепче.

— Хорошо.

Поезд остановился на перроне. Шэнь Жань, обхватив Сюй Цзычэня, протиснулся сквозь толпу, купил у мальчишки-газетчика газету, бегло просмотрел её и подозвал рикшу, чтобы ехать к месту аренды жилья.

Рикша остановился у переулка. Шэнь Жань и Сюй Цзычэнь один за другим прошли к открытым воротам сыхэюаня. Сверив адрес из газеты с табличкой на доме, Шэнь Жань шагнул в полумрак двора.

В западной части росло огромное дерево, крона которого почти полностью закрывала двор. Вдруг из-за стены выскочила черная дворняга и зашла в лае, бросившись на них. Сюй Цзычэнь испугался, отступил назад, споткнулся о камень и растянулся на земле.

В этот момент из комнаты вышла пожилая женщина с большим деревянным тазом в руках.

Приняв плату за аренду, она проводила Шэнь Жаня в комнату в восточном крыле. Комната была небольшой, но двоим места хватало. Вскоре старуха принесла несколько кувшинов и тазов — самое необходимое для быта нашлось.

Измотанный дорогой, Шэнь Жань, едва войдя, повалился на кровать. Сюй Цзычэнь, сняв обувь, тоже хотел залезть под одеяло, но встретился с двумя ледяными взглядами Шэнь Жаня.

— Что такое, брат Шэнь? — после того как Шэнь Жань спас его от похитителей в поезде, Сюй Цзычэнь стал послушным и теперь постоянно называл его братом. Заметив взгляд Шэнь Жаня, он поспешно натянул матерчатые туфли обратно.

— Иди уберись в комнате. И во дворе тоже, там грязно.

— Брат Шэнь, может, завтра? — увидев, как нахмурился Шэнь Жань, Сюй Цзычэнь прикусил язык и принялся за уборку.

Наблюдая за тем, как Сюй Цзычэнь послушно возится с вещами, Шэнь Жань закрыл глаза и начал циркулировать Истинную Ци.

Разве это трудности? В прошлой жизни, когда он перешел из мира смертных в мир бессмертных, кем бы он ни был в человеческом мире — хоть знатным принцем, — там ему всё равно приходилось начинать с подметания полов и готовки. А порой старшие ученики использовали его как живую мишень для тренировок, и на его теле не было живого места от шрамов.

Сюй Цзычэнь сейчас покорен лишь потому, что Шэнь Жань спас ему жизнь, а сам мальчик слишком слаб. Как только он вырастет, он начнет сопротивляться. Но сейчас ему всего пять, пройдет лет пять-шесть, прежде чем он сможет постоять за себя.

Пяти-шести лет достаточно, чтобы характер человека изменился до неузнаваемости.

На следующее утро, когда Сюй Цзычэнь еще крепко спал, Шэнь Жань применил к нему Технику Воды. Облитый холодной водой на рассвете, ребенок с криком подскочил на кровати.

— Вставай, — холодно бросил Шэнь Жань.

— Я вчера до ночи убирался, какой сейчас час? Еще даже не рассвело! — Сюй Цзычэнь, разозленный вчерашней работой и утренним подъемом, вспыхнул.

— И что? Вставай и иди готовь завтрак.

— Это же эксплуатация детского труда!

— Детского труда? О? Разве ты не говорил, что ты студент университета? И что от тебя много пользы?

— Но сейчас мне пять лет!

— И что с того? Даже это сделать не можешь? Думаю, торговцы людьми не откажутся от такого ребенка.

Услышав это, Сюй Цзычэнь тут же вспомнил, как в поезде костлявые руки старух вцепились ему в горло и плечи. Он покорно поднялся, оделся и вышел.

Через некоторое время Сюй Цзычэнь принес миску дымящейся лапши.

— Нет яиц, — Шэнь Жань пошевелил палочками лапшу и холодно произнес.

— Забыл положить.

— Переделывай.

Сюй Цзычэнь принес вторую миску.

— Нет кунжутного масла.

— Нет зеленого лука.

— Нет сычуаньского перца.

— Отвратительно.

После того как Сюй Цзычэнь переделал лапшу в пятый раз и снова услышал критику, он наконец взорвался:

— Шэнь Жань, чего ты хочешь?! Я не шеф-повар и не умею готовить изысканные блюда!

— Переделывай, — ответил Шэнь Жань всё той же фразой.

— Хорошо, под гнетом обстоятельств приходится склонять голову, но ты это запомни, — пробормотал Сюй Цзычэнь и в ярости вышел.

На этот раз он принес миску ароматной, аппетитной лапши. Шэнь Жань помешал её, на этот раз придираться не стал, но и есть не начал:

— Сойдет. Уноси.

— Ты не будешь есть? — Сюй Цзычэнь чуть не подпрыгнул от злости.

Шэнь Жань лишь искоса взглянул на него, не ответив. Сюй Цзычэню пришлось в ярости забрать миску.

— Псих долбанный, — прошипел Сюй Цзычэнь, но Шэнь Жань прекрасно расслышал это оскорбление.

— Кстати, как вынесешь, иди в задний двор.

— Зачем? — огрызнулся Сюй Цзычэнь.

— Я договорился с тетушкой Ван, она дала тебе работу — стирать белье, — Шэнь Жань постучал пальцами по столу.

— Стирать белье?! Я мужчина! К тому же ребенок! Ты заставляешь меня стирать?

— Я не собираюсь кормить тебя даром. Будешь стирать или голодать — решай сам, — Шэнь Жань скрестил ноги и снова сел на кровать.

Усталость? Тяготы? Но он не собирался растить дармоеда. Шэнь Жань усмехнулся и снова погрузился в практику Истинной Ци. Они — чужие люди, и он не будет, подобно Шэнь Жаню из книги, отдавать все силы на воспитание «брата», чтобы в конце концов быть им преданным.

К тому же, это еще не самое худшее издевательство, не так ли?

<http://bllate.org/book/18590/1790475>